

Сегодня. — 1994. — 29 апр. — С. 10

Тростник пишущий о тростнике творящем

Выставка Олега Кулика в галерее Марата Гельмана

Людмила Лунина

В

ернисаж побил все рекорды посещаемости. Казалось, не выдержит ведущая на второй этаж лестница. Работ Кулика (за исключением поставленного перед входом девятиметрового портрета Горбачева) так никто толком и не рассмотрел. Впрочем, шли не за тем. Публика совершенно наивно купилась на бесподобно рассчитанный трюк — пригласительный билет, в котором автор обещал, что зрители будут вспоминать открытие каждый день вплоть до следующего тысячелетия, что он сердечно всех приглашает и целует каждого в обе щеки. На лицевой стороне открытки красовалась фотография трех небезызвестных в московском арт-мире людей. Люди были совершенно голые. В меру скромная композиция, быть может, как раз в силу скромности, выглядела вызывающе, доверительно-игривый текст рассеивал сомнения. «Они думали, что мы будем расхаживать по галерее в чем мать родила, — прокомментировала события одна из моделей. — И столько народа навалило...»

Фотографии имели к выставке весьма отдаленное отношение. Работы напоминали большие чемоданы или переносные афишные тумбы (то и другое вместе) с удобными для транспортировки ручками, оклеенные фотографиями и обшитые по бокам желтой металлической лентой. Поверх фотографий, на специальных штырях, крепилось стекло — символическая граница, отделяющая жизнь от искусства, реальность от вымысла. Кулик выступил здесь в новом качестве: не экспозиционера-демиурга, а художника обыкновенного. В сравнении с прежними работами (выпиливанием лобзиком дырок в плексиглазе) он сделал в своем творчестве большой шаг вперед.

Выставка называлась «Я люблю Горби!». Из всех вариантов, которые можно было разыграть с образом Президента СССР, был выбран самый сусальный, заграничный: Горбачев — человек, изменивший мир. Будучи склонным видеть в банальном вернейшие приметы сущего, Кулик считает Михаила Сергеевича отцом прозрачности. Что есть прозрачность, мы затрудняемся объяснить. Это спекуляция Олега Кулика, которую он, памятуя о лужизме, аналитическом искусстве и прочих выдумках великих предшественников, довольно активно пытается навязать московской арт-ситуации.

В изысканной метафорической форме выставка сообщала, что время летит, демонстрации и прочие стихийные бедствия происходят, жизнь освобождается (от прежних идеологических условностей) и приобретает условности новые (не менее идиотические). Привычные социальные структуры дали трещину, в трещинах корит рожи новая реальность.

Неявный подтекст выставки заключался в том, что ее совместно осуществили два человека, олицетворяющие совершенно противоположные тенденции московской арт-жизни. Галерист Марат Гельман считается едва ли не единственным профессиональным продавцом искусства. Как Продавец он явно доминирует над художниками, которых в своей галерее представляет. Кулик же заполнял некоммерческое пространство, исполнял роль шоумена и ньюсмейкера, думая о дивидендах в самую последнюю очередь. Представленное на выставке — товар, и его не стыдно продавать. С другой стороны, самое действие было обставлено с артистизмом, до которого чисто коммерческие структуры — салоны и магазины — никогда не дотянутся.

И все-таки. Говорят, красиво улыбаться Боровому посоветовал его личный психолог. В Америке каждая предвыборная речь репетируется, как спектакль, десятки раз. Где логопеды, стилисты, парикмахеры и литературные корректоры, которых бы приставить к нашим арт-звездам?! Все действуют наобум, в том числе и Олег Кулик. В деталях, буквально на излете художественной жестикуляции, обязательно прощмыгнет какая-нибудь пошлость, те самые необъятные ворота или платья, о которых еще Гоголь шутил.

Как можно на открытке, смелой уже самой по себе, помещать такой текст, как если бы мадам оповещала клиентов об открытии нового увеселительного заведения? Неужели ничей музыкальный слух не передернуло от названия выставки, позаимствованного из попсового тинэйджерского журнала пятилетней давности? Что делали — дискотеку для ветеранов перестройки или презентацию современного искусства? Какой литературный редактор позволил автору выставки поместить в каталоге, вослед за статьей философа Михаила Рыклина, собственный текст, где в качестве предтеч «прозрачности», в дополнение к Михаилу Сергеевичу, почему-то запрягли в одну оглоблю Перова и Наума Габо? А Павел Федотов чем не дедушка прозрачности, а Сократ или Софокл? Похоже на анекдот: «Спасибо. Мне книжек не надо, у меня уже есть одна».

Как явствует из каталога, обилие желтого металла в работах намекает на московские купола. Работы — от золота — действительно выглядят «очень богато» (произносить с мягким «г») и ассоциируются с куполами в той же мере, что и россыпи бижутерии на цыганских лотках.

Мелочи в конце концов складываются в шум, раздражающий, как одинокая муха в темной комнате. Вздошем над несправедливостями природы, вечно делящей не в том месте, в каком надо бы. Вот если бы корректность и вкус одного да сложить с волей и энергией другого и разбить ровно пополам...

Не менее любопытны спровоцированные выставкой косвенные выводы. Питая слабость ко всякого рода прогнозам, мы предполагаем, что в следующем сезоне выставочным хитом станет стриптиз. В московской художественной ситуации явно чувствуется неудовлетворенный голод на боди-арт. Пока эту нишу быстро и отчаянно пытается застолбить Александр Бренер, наивно предполагая, что до него в Москве принародно никто не раздевался. По всей видимости, через год стриптизерок и эксгибиционистов станет поболее. А Гагарин — все равно первый и неповторимый.